

черты дорисовывают купринского центрального героя с чуткой и хрупкой душой, попавшего в жестокий мир. Своей незащитной ранимостью, своей способностью болезненно остро переживать любую несправедливость, тонкостью душевной организации они напоминают нам не жизнерадостного, грубовато-здорового «взрослого» Куприна в традиционном описании современников, а чуткого к страданиям, мечтательного Куприна-ребенка, заточенного в мрачные казарменные стены.

Пройдя еще в детстве через ряд разнообразных жизненных испытаний, принужденный приспособиться к жестокой среде Сиротского училища, кадетского корпуса, юнкерского училища, Куприн сберег в душе неспособность причинять боль, сохранил в чистоте бескомпромиссный гуманизм. Силач, кутила, жизнелюбец — это, очевидно, была лишь полуправда (недаром, читая «Поединок», Лев Толстой обронил фразу: «Куприн в слабого Ромашова вложил свои чувства»). Ее дополняет обостренная жалость к людям, давшая такие поразительные страницы, как встреча Ромашова в «Поединке» с затравленным и больным солдатом Хлебниковым, ищущим смерти на железнодорожных путях. Кастовые офицерские предрассудки, вбивавшиеся Ромашову и в кадетском корпусе и в юнкерском училище, падают в мгновение ока, когда подпоручик, мучимый виной и ответственностью за человеческую жизнь, изуродованную на его глазах, обращается к Хлебникову со словами: «Брат мой...»

И тот же гуманизм ярко окрашивает все произведения о детях, приходит на помощь их горю («Белый пудель», «Слон», «Храбрые беглецы»). Небезынтересно отметить, что Куприн-писатель идет и здесь своим путем. Стоит только сопоставить, к примеру, горьковский рассказ «Дед Архип и Ленька» с «Белым пуделем», как становится очевидной разница уже в подходе к самой теме. У Горького — протест нищего мальчика против стяжательства, которое разьедает по-своему доброго деда Архипа, пробуждение человеческого достоинства в маленькой душе Леньки. У Куприна — воспевание честной бедности, солидарности «гуттаперчевого мальчика» Сережи, четвероногого артиста Арто и веселого, бескорыстного босяка дедушки Лодыжкина в столкновении с богатыми, перекормленными дачниками и их прислугой. Мир Горького жестче, трагичнее, а герои активнее. У Куприна же добрая грусть и сострадание к бездомным артистам не мешают «счастливному концу».

Куприн учит любить «младших братьев» человека — животных. Он легко находит «общий язык» с ними — лошадьми, собаками, кошками. «Я ни разу не видел, — вспоминает один из его друзей, — чтобы он прошел мимо пса на улице и не остановился, чтобы его не погладить». Отсюда такие художественные удачи, как «Изумруд», «Слон», «Ральф», «Ю-ю».

Купринский гуманизм выступает могучим, живительным началом всего творчества писателя. Он ощущается в произведениях о цирке («Alléz!», «В цирке», «Ольга Сур»), поднимает на протест «маленького человека» («Гамбринус»). Он учит видеть в человеке человека, продолжая тем самым высокую традицию русского реализма XIX века, традицию Л. Толстого и А. Чехова.

Добрый талант Куприна постоянно напоминает об этой главной обязанности искусства, подчиняя ей все свои средства выражения.